

Там , где море шепчет о смерти

Стеффи Моне

18+

Стеффи Моне

Там , где море шепчет о смерти

«Автор»

2026

Моне С.

Там , где море шепчет о смерти / С. Моне — «Автор», 2026

Хочешь историю, где чудовище остаётся чудовищем — и от этого становится только страшнее и прекраснее? В финале нет «и они жили долго и счастливо». Есть набережная, построенная поверх руин. Есть знак на каждом столбе: волна с короной — память о том, кто чуть не стёр остров с карты мира и о том, кто теперь его охраняет. Это история, где любовь — не свет, который прогоняет тьму, а рука, которая держит тебя, даже когда ты сам — эта тьма.

© Моне С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Стеффи Моне

Там , где море шепчет о смерти

Глава

Ночь сделала её почти невидимой — лишь смутный, текучий силуэт, растворявшийся в чернильной тьме. Склизкое, непослушное тело прижалось к влажной траве, и каждый стебелёк отозвался под тяжестью её плоти противным, влажным хрустом. Как приятно было ощущать это бесконечное дыхание жизни — не тёплое и нежное, а тяжёлое, вязкое, будто сама земля стонала под ней. В каждом кусочке земли слышалось шуршание, шелест, тихий скрежет коготков и хитиновых панцирей. Тысячу жизней рождала эта рыхлая утроба, словно чрево великой матери, что кормится болью и рождает лишь голод.

Иногда она пыталась грызть саму себя зубами, вонзая склизкие иголки в чёрную сдобу из червей, будто хотела насытиться собственной гнилью.

«Вкусноооооо», — урчало её голодное нутро, но оно продолжало требовать жертвы — настоящей, кровавой и сладкой, до оскомины во рту, до металлического привкуса, который оседал на языке едкой плёнкой. До тлетворного сияния в глазах и вечной, бесконечной печали, что тянулась из неё, как липкие нити паутины, опутывая всё вокруг.

Медленно нечто возвращалось назад — с особым нежеланием, с противным свистом, похожим на выдох из пробитого лёгкого. Оно скручивалось, ужималось, будто пытаясь стать меньше, чем позволено быть живому, и засыпало на мгновение. Но это мгновение в мире людей было вечностью — временем, когда тени становились длиннее, а воздух густел, как остывающий сироп.

Небольшой городок, увитый плющом и маленькими цветочками, больше похожими на червеобразных опарышей, тихо выползших отдохнуть из умершей плоти и погреться под белёсыми лучами тусклого солнца уходящего лета. Маленькие разноцветные крыши переливались всеми цветами радуги — но не той, что радует бликами или сулит завет с Богом, а той, что мрачно мерцает в отблесках страшной грозы, словно предвестник чего-то устрашающего, неизбежного.

Несколько хижин расположились у самого берега моря, которое срывалось в пучину, не зная устали, вращалось у берега, образуя водовороты, и не разрешало приближаться к этому проклятому месту. Волны шипели, будто шептали предупреждения, а пена на гребнях пузырилась, как гной на открытой ране.

Отчего легло проклятие на небольшой городок — никто не знал. Или, может, все слишком хорошо знали, потому и тянуло сюда из года в год романтиков и смертников, уставших от радостей жизни и желавших влачить странное существование в странном месте, где сама тишина имела вкус ржавчины.

Маленькие улочки путались, вихлялись, цеплялись друг за друга и вечно встречались у набережной, усыпанной маленькими лодочками и яхтами, которые спасали долгими зимами от голода и безумия — или, по крайней мере, давали иллюзию спасения. Так и мысли местных жителей совершенно не напоминали мысли обычных людей: их всё больше клонило в сон, тяжёлый и липкий, как смола, и толкало в объятия сожаления, которое въедалось в кости.

Тусклые лица с застывшими грустными воспоминаниями встречались здесь на каждом шагу: в небольших тыквенных кафешках, ибо тыква здесь вызревала и давала хороший урожай, а всё остальное умирало, не родившись; в книжных магазинах, пугавших своей дряхлостью, пыльными подборками тяжёлого хоррора, готической дряни и анатомической криминалистики, страницы которых будто хранили запах формалина; и даже в крошечных магазинчи-

ках, всегда готовых предоставить невкусные наборы для тех, кто уходил в море безо всякой надежды вернуться из него.

Если вы решили, что на полках — распятия и Библии, то угадали. А ещё — множество других амулетов, чеснок и прочая «дрянь», как называли это приезжие. Нет, жители острова Н. действительно были очень набожными людьми — с маленькой поправочкой: каждый верил как мог и во что мог, только бы выжить в этом непростом месте, только бы не сорваться в ночь и не уйти с той, имя которой не называли вслух, потому что произнести его значило призвать её.

Хотя и это, конечно, просто глупые легенды стариков — беззубых, со смрадными язвами от дурных болезней, которые они гордо выпячивали, хвастаясь ими, словно медалями, а не тлетворным позором. Они доказывали, что если бы не эти отметины, им бы никогда не удалось спастись от смерти — будто шрамы и гниль стали их единственным щитом в этом далеком месте.

Лем не верил этим рассказам. Ему нравилось в этом богом забытом месте собирать старые легенды и сказания — благо интернет позволял ему многое, но и вызывал полное непонимание у местных жителей, которые каждый раз трясли головой, оскаливались, словно звери, и говорили:

— Здесь есть лишь сказки босоногой Ночи — другие обречены на смерть.

Но кто поверит в такие суеверия, когда ты только уютно устроился у окна, укутался тёплым пледом и начал свою новую диссертацию про древних богов? За стеклом тем временем сумерки сгущались, и тени на улице становились чуть длиннее, будто прислушивались к словам, которые он выстукивал по клавиатуре.

*

Море бушевало, словно обезумевшая стихия, изрыгая волны, словно потоки проклятий из своей тёмной, бездонной утробы. Казалось, что его огромные челюсти вот-вот проглотят весь городок, а пена на губах чудовища была пропитана жадой разрушения и смерти.

Лем обожал такие ночи, находя в них вдохновение для своих тёмных творений. Его душа трепетала от страха перед каждым новым словом, а существа, оживавшие на страницах его диссертации, казались живыми, готовыми поглотить своего создателя.

Подобно ракшасам из индуистской мифологии, демонам-людоедам, которые пожирали свои жертвы заживо, не оставляя даже костей, их неутолимая жажда крови и злобы стремилась уничтожить всё сущее. Они пытались пожрать даже своего создателя — бога Брахму, как будто желая стереть саму память о нём.

Волны хлестали по берегу, словно безжалостные плети, разбрызгивая свои «мозги» по прибрежной линии, не желая отступать даже ценой собственной гибели. Огромные, пенящиеся чудовища загребали в свою паутину водную гладь, высасывая из неё всю жизненную силу и выплёвывая несчастных моряков, словно ёрогуро из японской мифологии.

Это жуткое создание принимает облик обольстительной женщины, чтобы заманить ничего не подозревающих мужчин в свои смертельные сети. Её кимоно взмывает ввысь, окутывая лодки, и выбрасывает свою «красоту» на несчастных рыбаков. Сколько из них вырвутся на свободу? Или их судьба предрешена — стать вечными пленниками чудовища, пожирающего души, как леденцы?

А вот и сама скандинавская богиня Хель, повелительница царства мёртвых, собирающая души умерших. Её ледяные руки тянутся из тьмы, чтобы забрать то, что принадлежит ей по праву. Она готова доглядывать кости после своей соперницы, затягивая души в свои безжалостные сети. Её образ прекрасен, но внушает ужас каждому, кто осмелится взглянуть на неё.

Лем не мог считать себя обычным, ведь он день за днём погружался в морские глубины в поисках вдохновения для своих мрачных творений, жадая встречи с этими существами, как любовник жаждет свидания с демоном.

Он бережно перелистнул страницу старой, затёртой книги «Мифы и легенды Древнего Востока». Скоро оживут страницы с чудовищами, пороками и волшебными превращениями, разорвут его душу на части, проникнут в мозг, выедавая его изнутри, проберутся по сосудам и артериям, чтобы завладеть им полностью.

И вот, когда он уже приготовился к работе, в дверь тихонечко поскрёбся кто-то...

В этот момент Лем почувствовал, как ледяные пальцы Хель уже сжимаются на его горле моря, а в воздухе разлился металлический запах крови — знак того, что судьба уже предreshена.

*

Минуты тянулись бесконечно, словно вязкая смола, застывающая в груди, а страх, густой и тяжёлый, будто сам пожирал пространство, превращая каждую секунду в вечность сожалений. В этом аду ночи мерещилось, что Лема поджидают чудовища его же мифов — порождения разума, обретшие плоть в темноте. Или одинокая богиня вырвалась из лап Ада, чтобы познать мир с другой стороны: там, где ты не коса, а жертва; где твоя кровь сладка, как проклятое вино, а жизнь — лишь тень, которую легко стереть.

Тишину и покой одинокого мужчины нарушали тихие, монотонные удары с другой стороны двери — ритмичные, как стук погребального барабана. Казалось, за ней не ветер и не ветка, а нечто, что знает, где он, и терпеливо ждёт.

Он подошёл на цыпочках к тоненькому барьеру, что отделял его от безумия дикой природы этого острова. Дерево двери было холодным, будто впитавшим в себя вековой холод скал и солёный шёпот моря. «Не стоит открывать», — шептал рассудок, но в ушах всё громче звучали предостережения местных стариков, чьи рассказы о тварях, пожирающих души, теперь не казались небылицами. «Они приходят, когда море вздыхает глубже обычного», — говорили они, и сейчас Лему казалось, что остров сам затаил дыхание.

Боже, это мысли учёного, который годами ковырялся в готике, пытаясь найти логику в безумии, — и вот теперь безумие пришло к нему в гости.

Лем мужественно напряг руку и попробовал отворить дверь, но ветер и потоки ливня хлестали, словно когтистые лапы, пытаясь удержать его внутри. Капли били по лицу, смешиваясь с чем-то холодным и липким — то ли росой, то ли предвестием беды.

«Такой порой даже собаку не выпустит хозяин за порог», — подумал он и уже собирался захлопнуть свой спокойный чёрный мир, отгородиться от бредней, что лезли в голову, как вдруг бледная, почти прозрачная рука упала к его ногам — не упала, а будто была брошена, с нарочитой небрежностью, как перчатка на дуэль.

Дверь распахнулась сама, будто её толкнула невидимая сила, и у ног Лема оказалась девушка. Хрупкое телосложение, тонкие ручки-веточки, стройные ножки, покрытые странными язвочками, что переливались в свете луны, как гниlostный перламутр. Растрёпанные пряди золотых волос скрывали лицо, но даже сквозь них проступала неестественная бледность — цвет остывшего воска.

Дрожащей рукой Лем очистил её лицо от грязи и волос — и содрогнулся. Если и бывала такая красота, что уже одной ногой в могиле, а рукой всё ещё тянется из неё, моля о помощи, то перед ним было именно это. Именно из-за таких невинных черт погибали великие умы и моряки, околдованные русалками, — но русалки пели, а эта девушка молчала, и тишина её молчания была страшнее любого крика.

Жаль, что эта красота увяла, так и не успев родиться, — или, быть может, она никогда и не была живой. Окоченелое тело больше не дрожало, и казалось, что перед ним не человек, а мёртвая нежная кукла, оставленная здесь как предупреждение. Как и каждый из нас, умирая, уносит с собой все мечты и желания, оставляя лишь призрак жизни — труп, холодный и пустой, как заброшенный дом.

Лем попытался оттолкнуть девушку ногой, стараясь не смотреть на её лицо, будто если не видеть — значит, не верить. Утром её подберёт отступающее море и скормит своим маленьким деткам — так он убеждал себя. Но рука мёртвой девушки всё ещё лежала у самого порога, пальцы слегка скрючены, будто цеплялись за последний миг между мирами.

Лем потянулся навстречу посиневшему отчаянию — и длинные розовые ногти впились в него до боли, не как случайность, а как отчаяние, как крик без голоса. Это было не просто прикосновение — это была хватка, в которой чувствовалась воля, чуждая и жуткая. Не было другого пути, кроме как втащить в дом эту умирающую особу — или то, что притаилось за нею.

Дверь гулко захлопнулась с отчаянным треском, похожим на удар могильной плиты. А там, снаружи, снова и снова бушевала рассерженная стихия — не просто шторм, а живая ярость, которая, казалось, не желала отпускать своё дитя в этот безжалостный мир людей, где даже самые страшные истории кажутся сказками... пока не становятся реальностью.

*

Огромные глазищи пялились на Лема бескрайними просторами — словно непослушные кусочки бушующего моря, что не желали слушаться свою мать, вырвались на свободу и поселились в этом прекрасном теле. В их глубинах что-то жило и дышало; что-то, чему нет имени ни в молитвах, ни в проклятиях.

Оторвав вцепившиеся в живую плоть когти, хозяин набрал тёплой воды и дюйм за дюймом отмывал свою куклу от грязи и мусора того мира. Вода темнела быстрее, чем следовало бы, — и пахла не тиною, а чем-то железным, старым, будто в ней разводили остывшую кровь. Сначала обнажились худые, как осенние ветки деревьев, руки и ноги, потом хрупкое, в тёмных пятнах тело, и лишь напоследок очистились прекрасное, как лик ангела, лицо, обрамлённое маленькими кудрями серебристых локонов. Свеча в углу вздрагивала каждый раз, когда Лем касался воды, — будто кто-то невидимый дышал ей в затылок.

Лем обросил находку взглядом и отшатнулся. В этом далёком и страшном мире он давно не встречал ничего настолько красивого и настолько пугающего. Черты были идеальны, глаза — огромные, обрамлённые чёрным лесом ресниц, губы — кроваво-коралловые, с привкусом опасного соблазна. Глядя на этот рот, он вдруг подумал, что ангелы, если они и вправду существуют, едва ли благодарят за такие сравнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.